
УДК 327.2(470.621)

ББК 66.4(235.7)

К 88

С.Г. Кудяева,

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории государства и права Майкопского государственного технологического университета, тел.: 8(8772)525128

Северо-Западный Кавказ и адыги (черкесы) в контексте геополитических интересов противоборствующих держав (конец 20-х — начало 40-х гг. XIX в.)

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена изучению межгосударственных противоречий, проявившихся после подписания Адрианопольского договора 1829 г., в центре которых оказались Северо-Западный Кавказ и адыги (черкесы). Изменение интересов разных держав, а также политической ситуации в регионе прослеживается по основным историческим вехам. Это Адрианопольский (1829 г.) и Ункяр-Искелесийский (1833 г.) договоры и Лондонские конвенции (1840-1841 гг.).

Ключевые слова: Адрианопольский договор, Россия, Османская империя, европейские державы, Северо-Западный Кавказ, адыги.

S.G. Kudyaeva,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History of the State and the Law, Maikop State University of Technology, ph.: 8 (8772 525128

The Northwest Caucasus and the Adyghes (Circassians) in a context of geopolitical interests of fighting powers (The end of the 1820s — the beginning of the 1840s)

Abstract. The paper examines the interstate contradictions which emerged after signing the Peace Treaty of Adrianople of 1829 in the center of which there were Northwest Caucasus and the Adyghes (Circassians). Change of interests of different powers, as well as of a political situation in the region is traced in accordance with the basic historical marks. Those are the Peace Treaties of Adrianople (1829) and Unkiar-Skelessi (1833) and the London Conventions (1840-1841).

Keywords: the Peace Treaty of Adrianople, Russia, Ottoman Empire, the European Powers, the Northwest Caucasus, the Adyghes.

К 30-м гг. XIX в. уровень социально-экономического и общественно-политического развития, достигнутый адыгами, а также наличие экономических связей с Россией, Турцией и другими державами свидетельствует о том, что Северо-Западный Кавказ все активнее втягивался в ход мировой истории. Колониальные происки держав, борьба за рынки сбыта и источники сырья привели к значительному расширению рамок Восточного вопроса [1] и к обострению обстановки на Северо-

Западном Кавказе. Этому способствовали и условия Адрианопольского договора, завершившего русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Согласно четвертой статье России отходил весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая, включая важную в стратегическом отношении военно-морскую базу — Анапу [2]. А.В. Фадеев отмечал, что условия Адрианопольского мира не только пресекали экспансию Турции в этом направлении, но и существенно подрывали ее экономическое

и политическое влияние на адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа [3]. Эта была крупная дипломатическая победа России.

Следует отметить, что Османская империя никогда не владела территориями, указанными в четвертой статье. Россия же использовала положения четвертой статьи Адрианопольского трактата для присоединения земель, не принадлежавших ей ни политически, ни экономически. Условия четвертой статьи Адрианопольского трактата способствовали дальнейшему столкновению интересов держав на Северо-Западном Кавказе. Упрочение русских позиций на Черном море вообще, и на его северо-восточном побережье в частности, обострило противоречия между Англией и Россией, расширило сферу их соперничества. В результате русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Османская империя потеряла свои важные позиции на побережье Кавказа. Основная борьба за обладание Северо-Западной частью этой территории велась главным образом между Россией и Англией.

Положения Адрианопольского трактата обеспокоили правящие круги не только Англии, но и всей Европы. Английское правительство направило ноту протеста в Петербург, в которой говорилось, что расширение границ России на Кавказе «нарушает европейское равновесие» [4]. Правительство Англии не только заявило протест против условий Адрианопольского трактата, но стало побуждать Турцию нарушить подписанный ею международный договор. Реакция России на это видна из ответа вице-канцлера К. Нессельроде английскому правительству о том, что «приращиванием своих владений в Азии, Россия впрочем не нарушила основных начал европейского права, ибо гарантия территориального «status quo» Европы никогда не распространялась на Азию, что доказывается завоеваниями англичан в Ост-Индии, против которых мы никогда не противодействовали» [5]. Этим ответом министр иностранных дел Российского государства официально признавал колониаль-

ный характер действий царской армии на Северо-Западном Кавказе.

Активное вмешательство западноевропейской дипломатии в русско-турецкие отношения во многом преопределили действия российского правительства. Император Николай I образовал тайный комитет, который должен был определить основные направления политики России по отношению к Османской империи. Тайный советник Д.В. Дашков представил в комитет документ, озаглавленный «Обозрение главнейших сношений России с Турцией и начал на коих должны быть оные установлены на будущее время» [6], в котором обосновывалась необходимость «распространения ее влияния между соседственными народами» и, что «сего она удобнее достигнуть может, продлив существование Османской империи на известных условиях» [7].

Особого внимания заслуживает факт, что при подписании Адрианопольского договора не присутствовали представители автохтонного населения Северо-Западного Кавказа (адыгов). Великие державы делили землю адыгов, не учитывая их интересы и желания. Это подтверждает их обращение к генералу А.М. Симборскому в 1838 г.: «Вы говорите, что по Адрианопольскому миру земля наша вам отдана; но это несправедливо; мы с незапамятных времен ни чьими рабами не были; неужели впредь мы ими будем?» [8]. Адыги никогда не признавали власти российского императора и, тем более, власти турецкого султана. По этому поводу Ф.А. Щербина писал, что они «не признавали чужой власти над собой и терпели турок как единоверцев, а не владетелей» [9]. В политическом, экономическом и культурном отношениях зависимость адыгов от Оттоманской империи была больше номинальной, чем фактической [10]. Но адыги не желали и власти России. Признание Портой восточного берега Черного моря владениями России не имело реальной силы. Утверждение власти России было возможно только в жестокой борьбе с адыгами, хозяевами этой земли. И царизм

начинает осуществлять свои планы военно-феодальными, колониальными методами, приступает к утверждению колониальной администрации силой оружия. Николай I писал графу И.Ф. Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же главное, а в рассуждении прямых польз важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [11].

Царское правительство давно вынашивало мысль об изменении военных действий против адыгов. В 1830 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории А.А. Вельяминов представил план быстрого и решительного покорения адыгов, в котором предлагалось «занять все плоскости земли горцев, особенно изобилующие пастбищными местами, и заселить их казачьими станицами, очистив военной силою пространство между верхней частью Кубани и Урупа, селить там первоначально казачьи станицы, а также и на Лабе, а потом занимать земли горцев по р. Белой и другим рекам, заселяя их тоже станицами казаков» [12].

Фельдмаршал И.Ф.Паскевич, докладывая о новом плане покорения адыгов, выразил сомнение лишь в темпах его исполнения. Он считал, что только «с осмотрительностью, покоряя одну область после другой, завоевание горцев будет, хотя медленнее, но вернее и благонадежнее... Чем больше делаю я наблюдений и вхожу в познание сих народов, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношений наших к ним были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала их к мщению» [13]. И.Ф. Паскевич считал, что скорее могут покориться адыгские владельцы «видами личных своих выгод, но покорение вольных племен, ни от какой власти независимых, представляет более трудностей. ...Одна мысль лишиться вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние» [14].

Но, несмотря на эти высказывания, осенью 1830 г. русская армия

под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича приступила к осуществлению плана покорения Кавказа. Начались карательные экспедиции, сжигались аулы, уничтожалось население. В результате царскими войсками был захвачен Геленджик. Русская армия готовилась к крупной карательной экспедиции. Об этом свидетельствует приказ Николая I: «Нанести как можно более чувствительное наказание абадзехам, шапсугам и натухайцам и, не ограничиваясь довершением устройства возведенных на Лабе укреплений, поселений четырех станиц, предпринимаемая бы в видах будущего занятия линии на Белой, сильное наступательное движение к этой речке и далее за оную, вдаваясь сколь можно далее в горы» [15]. Карательные экспедиции, предпринимаемые царским правительством, естественно вызвали сопротивление адыгов.

Царское правительство было озабочено турецкими действиями на Северо-Западном Кавказе. Порта не намерена была прекращать деятельность своих агентов, но недоверие к ним со стороны адыгов росло, что заставило Османское правительство изменить систему своего проникновения на Кавказ. Турция увеличивает поставки пороха и свинца. Из донесения атамана Черноморского войска Л.Г. Бескровного видно, что «к речке Цамес прибыло с Турции четыре купеческих мореходных судна с разными товарами, на которых привезено много писем от Гасан-Паши и Сефербея, и вручены оные брату Сефербиеву, находящемуся между закубанцами, чтобы он раздал их закубанским владельцам всех племен» [16]. Позже из Трапезунда к черкесским берегам в местечко Цамес прибыло восемь купеческих судов, на которых привезена соль и разные другие товары для продажи, «а пороху и свинца для проживающего между черкесскими народами турецкого паши» [17].

Командование царской армии приняло попытку наладить патрулирование сторожевых судов с целью блокады побережья, чтобы не допустить связи горцев с другими державами.

Николай I отдает приказ генералу И.Ф. Паскевичу «действовать оружием» и осматривать «без изъятия все суда, пристающие к берегам между Анапой и Редут-Кале» [18]. Но царская армия не была еще готова для блокирования побережья на всем его протяжении. Обширный план покорения горцев, разработанный И.Ф. Паскевичем и утвержденный Николаем I, не удалось осуществить так быстро, как хотелось бы царскому правительству. Планом или «обширным предприятием» («Абхазской экспедицией») предусматривалось «продолжение освоения сухопутного по берегу моря сообщения от крепости Анапа до Поти» [19]. В 1830 г. удалось основать укрепления на абхазском побережье в Гагре, Бомборе, Пицунде. В стратегическом отношении наибольшее значение имело Гагринское укрепление, которое должно было отрезать Абхазское побережье от джигетов и убухов. Создание этих фортов положило начало строительству Черноморской береговой линии. Но реализовать этот план царскому правительству удастся только в 1839 г.

В 1830г. общая обстановка на Кавказе не способствовала осуществлению этого плана. Возвращение русских войск с турецкого фронта задерживалось, волнения охватили и кубанских горцев. «Почти не было заметно никаких успехов в достижении этого грандиозного проекта» [20]. Кавказская война принимала затяжной характер. Тем не менее, после подписания Адрианопольского трактата российское правительство использовало все возможности по освоению Черноморского побережья. Крепость Анапу Россия захватила еще в 1828 г. и, естественно, оставила ее за собой. Начиная с 1831 г. на восточном побережье был основан целый ряд укреплений — Геленджик, Новороссийск, Кабардинка, Троицкое укрепление на Пшаде, Михайловское на Вулане, Тенгинское на Шапсухо, Вельяминовское на Туапсе, Лазаревское на Пезезуапе, Головинское на Шахе, Навагинское на Сочи и Св. Духа на Адлере [21].

Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич большое значение придавал

Геленджикской бухте. Это видно из его отношения от 21 ноября 1831г. А.С. Меньшикову, в котором он писал, что «...на всем пространстве восточного берега моря от Анапы до порта СВ. Николая нигде не представляется удобнейшего места для необходимого утверждения нашего в том краю, как залив или бухта Геленджикская, соединяющая в себе весьма значительные выгоды. По многим отношениям ...имеет все лучшие удобства для якорной стоянки..., с занятием Геленджикской бухты Анапа, удаленная чрезмерно от средоточия горских народов, должна будет лишиться нынешнего преимущества...» [22] Соединение Геленджикского укрепления военной линией с Кубанью, по мнению И.Ф. Паскевича, должно было затруднить проникновение иностранцев к адыгам. По предложению И.Ф. Паскевича в 1834 г. была предпринята попытка разделения Кавказской линии на три части и особое значение придавалось четвертому участку — Черноморью [23]. Это подчеркивает насколько важна была роль Черноморской линии и Черноморского флота.

Царское правительство намеревалось усилить крейсерование побережья русскими судами и казачьей гребной флотилией, тем самым блокировать адыгов от сношений с турками и подчинить владычеству русских. Но предположения эти не оправдались. Черкесы не пошли на уступки, наотрез отказались вступать в какие бы то ни было сношения с русскими войсками как с неприятелем, и энергично повели защиту родины непрерывно тревожа крепостные гарнизоны и омывая потоками крови каждый шаг русских отрядов и партий, выходявших из укреплений в окрестные места [24]. Военная колонизация побережья в этот период не удалась. Черноморское побережье находилось в таком положении вплоть до покорения Западного Кавказа в 1864 г. Только на Абхазском побережье в 1834-1835 гг. была построена дорога, соединившая все укрепления на этой территории.

В это же время английское правительство предпринимает активные

усилия для проникновения на Кавказ. Присоединение Кавказа к России не входило в планы английских колонизаторов. Интерес британского правительства к этому району объяснялся интересами английской буржуазии, которая хотела использовать Северо-Западный Кавказ как рынок сбыта для промышленных изделий и как источник сырья. Повышенный интерес английских купцов к этому району подтверждается их желанием создать здесь особую «Трапезундскую торговую компанию» [25]. В 1830 г. в Трапезунде было открыто английское консульство, целью которого стало расширение английского влияния не только в Турции, но и на Кавказе. Англия не признала условий Адрианопольского мира о переходе к России Черноморского побережья Кавказа. По этому поводу лорд Г. Пальмерстон объявил для Англии «вовсе не обязательным и не имеющим никакого значения отказ Турции от их прав на Кавказское побережье» [26]. Уже осенью 1829 г. у черкесского побережья появляется первое английское судно.

Весной 1831 г. обостряется конфликт между турецким султаном и египетским пашой Мухаммедом-Али. Начинается турецко-египетская война. Египетские войска заняли Сирию и часть Малой Азии и пошли на Константинополь. Египетский паша пользовался поддержкой Франции, которая при его содействии тоже стремилась утвердить свое влияние на Ближнем Востоке. Только помощь России спасла турецкую армию от окончательного разгрома. В 1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский договор, согласно которому «мир, дружба и союз будут навеки существовать» между Россией и Турцией и по которому стороны обязывались «согласовывать откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности, и на сей конец подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление» [27].

К договору была приложена секретная статья, в соответствии с которой Османская империя освобождалась от оказания помощи России, но взамен

налагала на Порту обязательство закрывать по требованию России пролив Дарданельский, «то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом» [28]. После подписания этого договора еще более обостряются противоречия между Россией и европейскими державами, так как положение России на Ближнем Востоке укрепилось после подписания в 1833 г. русско-турецкого договора. Влияние России в Турции еще более укрепилось. Режим функционирования проливов имел огромное значение для обороны Черноморского побережья России в случае войны с западными морскими державами. Французский историк А. Дебидур отмечал, что «такое соглашение делало Россию почти неуязвимой, так как ей с давних пор не грозило какой-либо опасности, кроме как со стороны Франции и Англии. Россия была для них недоступна с суши, где ее достигнуть можно было, только пройдя через Германию, ни со стороны Балтийского моря, пригодного для действия военного флота лишь незначительную часть года, а теперь не рисковала подвергнуться нападению и со стороны Черного моря» [29]. То обстоятельство, что в военное время Дарданеллы должны быть закрыты для иностранных военных судов, делало позицию России господствующей, «ибо для России проход через Дарданеллы является путем, ведущим не в Черное море, а, наоборот, из него» [30].

Ункяр-Искелесийский договор явился кульминационным пунктом русского влияния в Турции в XIX в. Северо-Западный Кавказ стал преимущественно сферой влияния России. Создавшаяся обстановка способствовала пресечению турецких происков на Северо-Западном Кавказе, но Англия не могла с этим согласиться. Английские правящие круги не желали признать договор. Главной целью английской дипломатии отныне становится ослабление влияния России в Турции. К ней присоединилась и Франция. В ноте послов Англии и Франции, с которой они обратились к царскому правительству,

говорилося, что в случае вооруженного вмешательства России во внутренние дела Турции английское и французское правительства будут действовать так, как будто Ункяр-Искелесийского договора не существует. Реакция России на такое заявление видна из ответа вице-канцлера К.В. Нессельроде, что если возникнет необходимость, Россия выполнит свои обязательства по договору, действуя так, «как если бы не существовало нот английского и французского поверенных в делах» [31]. Австрия не поддержала протест Англии и Франции, хотя К. Меттерних при этом выразил желание, чтобы Россия не воспользовалась односторонним правом прохода военных судов через проливы [32].

В конце 1830-х гг. возобновилась борьба между турецким султаном и египетским пашой. Турецкая армия была разбита. Воспользовавшись сложившейся международной обстановкой, Англия, при поддержке Австрии, решила противопоставить одностороннему выступлению России идею совместного выступления европейских держав. Протесты Англии и Франции не достигли желаемого результата. И только в 1840 г. Англии удается ослабить влияние России в Турции.

Опасаясь полной изоляции России, Николай I согласился на международное посредничество. В результате в 1840 г. Россия, Англия, Австрия и Пруссия подписали Лондонскую конвенцию. Турецкая империя переходила под совместное покровительство четырех держав. Лондонская конвенция была крупным поражением политики Николая I. Он пошел на уступки в надежде на сближение с Англией, мирное решение «Восточного вопроса».

Только с подписанием в 1841 г. второй Лондонской конвенции с участием Франции, России удается ослабить влияние европейских держав в Турции. Согласно этой конвенции проливы были закрыты для военных кораблей всех держав в мирное время. В военное же время проход судов зависел от позиции Турции. Тем не менее, лондонские конвенции 1840-1841 гг. означали для России отступление на Ближнем Востоке.

В этот же период накаляется ситуация и на Северном Кавказе. Начиная с весны 1831 г., обострилась борьба адыгов против колониальной политики царизма. Пока внимание царского правительства было обращено к событиям в Польше и турецко-египетской войне, освободительное движение горцев охватило Северо-Западный Кавказ, Дагестан, Чечню. Командующий войсками Кавказской линии Г.А. Эммануэль в своем донесении генералу И.Ф. Паскевичу писал, что за Кубанью восстали абадзехи. Они успели уже склонить на свою сторону бесленеевцев из покорных нам народов [33]. «Они желают уничтожения крепостей, построенных в их владениях, обещая за это принять присягу на верноподданство Г.И.» [34]. Царское правительство дает команду войскам стягиваться к границам абадзехов и «в случае, если они (адыги — С.К.) не прибегнут к нему с покорностью, он предаст огню близлежащие аулы и находящиеся на реке Белой ..., это должно иметь влияние на прочих подданных России горских народов и остановить восстание их противу нашего правительства» [35]. Абадзехи, шапсуги, натухайцы не желали покориться. Осенняя экспедиция генерала Г.А.Эммануэля не дала желаемого результата. Осенью А.А. Вельяминов в своем рапорте писал, что «за исключением жителей Малой Кабарды все остальные народы были готовы поднять оружие против царских войск» [36].

Несмотря на жестокости со стороны царских войск, адыги неоднократно обращаются с предложением принятия от них присяги на верность России. В феврале 1834 г. адыги с предложением мира и прекращением военных действий обратились к командованию царской армии, но на эту просьбу армия ответила целым рядом карательных экспедиций. Русскими войсками, руководимыми генералом Зассом, в Закубанском крае были уничтожены десятки аулов, в том числе и мирных, значительное количество горцев было убито, взято в плен, а также захвачено огромное количество скота и лошадей [37]. Имеются сведения,

что в результате трех походов генерала А.А. Вельяминова 1834 г., 1835 г., 1836 г. в долины Абина, Убина, Шебжа, Бакана, Атакуафа, Хабля уничтожено около 200 аулов, а уцелевших порядка 70 [38]. А на карте 1860 г. долина Абина, где в 30-е годы помечено большое число аулов, совершенно безлюдна [39].

О чрезмерно жестоком и несправедливом отношении к адыгам со стороны царских войск писали даже царские генералы. Граф И.Ф. Паскевич в рапорте на имя Николая I от 16 мая 1829 г. писал, что народ, не видя справедливости в действиях царских чиновников и теряя «доверенность к правительству, искал нередко удовлетворения самоуправством, а некоторые убегали в отчаянии за границу» [40]. По этому же поводу генерал Д.И. Романовский писал, что административные распоряжения наши, не всегда согласные с нравами и обычаями горцев, и допускавшиеся иногда местными начальниками излишне крутые меры, как например, наказание целых аулов за преступление отдельных лиц, сильно раздражали против нас туземцев и вселяли недоверие к русской власти [41].

В результате политики колониального разбоя, фактов жестокостей, предпринятых Николаем I и его командованием на Северном Кавказе, складывалась ситуация, которая вынуждала адыгов просить поддержки у любой страны, будь то Англия или Турция. В 1834 г. «горская делегация» направляется в Константинополь для выяснения действительного отношения Турции и Англии к адыгам [42]. Делегатов в английском посольстве принимал Д. Уркарт, он ответил, что «английское посольство, принимая самое живейшее участие в делах черкесского народа, конечно, не оставит их без надлежащих средств для продолжения борьбы с Россией» [43].

В 1835 г. в связи с крайне тяжелыми обстоятельствами, сложившимися в ходе Кавказской войны, руководители адыгских племен объединились и выработали «Декларацию независимости», которую отправили монархам Европы и

Азии. В «Декларации» говорилось, что адыги в течение многих лет втянуты в войну с Россией. И войну эту они ведут без посторонней помощи. Порта неоднократно предавала их и оставляла без помощи, хотя они неоднократно посылали депутации к султану. Далее они пишут «как тяжело давление России, как враждебна она к их обычаям, вере и счастью всех людей — иначе зачем бы черкесы так долго воевали против нее? — как вероломны были ее генералы и жестоки ее солдаты. ...Мы потеряли племена, которые раньше могли собрать сотни тысяч воинов под своими знаменами, но мы, наконец, объединились все, как один в ненависти к России. ...Среди нас есть тысячи русских, которые предпочли наше варварство цивилизации их страны. ...Только оружием, а не словами, может быть захвачена эта страна» [44].

Но горцы так и не получили помощи, обещанной им турками и англичанами. А без этого условия — получить помощь — черкесы не признавали ничего влияния [45]. Были среди русских генералов и такие, которые предлагали мирные способы решения проблемы и выступали против грубых и жестоких методов, применяемых царскими чиновниками. Адмирал Н.Мордвинов в докладной записке царю «О способах, коими России удобно привязать к себе постепенно кавказских жителей» писал: «Народы кавказские, огражденные твердо быстрыми потоками вод, утесами гор, ущельями неприступными, долинами от нападения безопасными, останутся навсегда и вечно в независимости, доколь довольны будут дарами единыя и вне домов своих будут находить все, что умеренно и обыкновенно... Таковых народов оружием покорить невозможно» [46].

За мирное сотрудничество с адыгами путем развития меновой торговли выступал и начальник Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский. В докладе военному министру «О политическом состоянии Восточного берега» Н.Н. Раевский писал, что «запрещение торговать с горцами препятствует их усмирению, поощряет

контрабанду и усиливает влияние Турции, ...заставляет горцев искать средства к независимому существованию от России» [47]. Высказывания такого рода не встретили одобрения со стороны царского правительства, которое признавало только силу оружия для усмирения горцев. В 1837 г. Николай I, лично побывавший на кавказском побережье, остался недоволен состоянием дел. По его приказу укрепления, строившиеся со стороны Сухума, были продолжены до Анапы, а главнокомандующий на Кавказе барон В.Г. Розен был заменен генералом Е.А. Головиным.

В 1837 г. предпринимается новое значительное продвижение русских войск вдоль черноморского побережья. Царское правительство ставит цель окружить горцев и тем самым отрезать их от Черного моря. Возвращение новых фортов и укреплений проходило под командованием адмирала М.П. Лазарева. В 1839 г. все укрепления и форты были объединены в Черноморскую береговую линию, начальником которой был назначен генерал Н.Н. Раевский. К 1840 г. строительство Черноморской береговой линии было завершено. Она состояла из 17 укреплений и фортов, которые располагались на протяжении 500 км.

Царское правительство придавало большое значение системе Черноморской береговой линии для полного утверждения на Северо-Западном Кавказе. Можно сказать, что колонизация земель закубанских адыгов стала проводиться в соответствии с планом генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, изложенным в записке командиру Кавказского корпуса барону В.Г. Розену 20 мая 1833 г. А.А. Вельяминов писал: «1). Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении мест. 2). Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами. 3). Истребление полей их в продолжении пяти лет сряду дает возможность обезоружить их и тем облег-

чить все дальнейшие действия. 4). Полезнее всего, по-моему, селить на оных казачьи станицы. Наконец, по поселении станиц, устроить в приличных местах укрепления» [48].

Черноморская береговая линия препятствовала морским связям адыгов с Турцией, а также лишала их возможности пользоваться пастбищами, прилегающими к прибрежной зоне. Тем не менее, она не могла быть до конца эффективной и действенной. Одною крейсирования и строительства укреплений было не достаточно для достижения целей, поставленных Россией. Царское правительство приступило к широкой военно-казачьей колонизации земель западных адыгов. Российская империя стала расширять свои владения. Началось заселение русским населением районов Геленджика, Новороссийска и Сухума. Причем были предусмотрены «разные льготы лицам, которые пожелают поселиться в Закубанских пределах» [49]. Предпочтение оказывалось русским, но среди переселившихся были и «единоверцы» болгары. Новые поселенцы освобождались «на 25-летний срок от платежа в казну всех вообще податей и отбывания рекрутских и других повинностей, под какими бы они наименованиями не существовали». Они могли «приобретать законно всякую собственность», даже земли у горцев, хотя последнее оговаривалось необходимостью получения «разрешения начальника Черноморской береговой» [50]. Такие «преимущества, — как отмечал Розен, привлекли в Анапу уже около тысячи семейств» [51].

В «Записках императорского Русского географического общества» имеются сведения о том, как проходила колонизация края и количестве населения Северо-Западного Кавказа к 1841 г. В документе говорится, что «Мысль о колонизации горских земель, сильно развитая и поддержанная генералом Вельяминовым, была в 1839 г. по особому высочайшему повелению подробно рассмотрена генералом Головиным, Грабе и Зассом. Сходясь во мнении с генералом Вельяминовым, император Николай I приказал начать заселение

с Востока с тем, «чтобы в первый же год достигнуть Лабы и таким образом отделить с юга часть прикубанских ногайцев, отдаленнейшею от гор и стать прочной ногой в середине Закубанского края» [52]. Первыми переселенцами были казаки Кавказского линейного войска. Они основали станицы Лабинскую, Чамлынскую, Вознесенскую и Урупскую с населением 6600 душ. Согласно этого же источника число покоренного населения с русскими, можно было определить, в 30000 душ, непокорного — в 31000 душ.

Колонизация Закубанья продвигалась медленно, но постоянно и в основном между Лабой и Кубанью. Карательные экспедиции царских войск в земли адыгов сопровождалась разгромом адыгских аулов, угоном скота, истреблением населения. Царские генералы предпринимали экспедиции в горы и шли, истребляя все огнем и штыком, захватывая пленных и скот; ничтожное воровство, отгон горцами нескольких штук рогатого скота наказывалось истреблением целых аулов [53]. Завершить этот процесс царскому правительству удалось только к концу Кавказской войны.

Последствием таких жестоких действий царских войск 30-40 гг. XIX в. явилась частичная эмиграция адыгов. Точных сведений о количестве переселившихся горцев нет. Но А.Г. Дзидзария отмечает, что, пожалуй, это были крупные волны махаджирства XIX в. и, что согласно обзору политического положения Черкесии, относящему-

ся к 1837 г., около 370 семейств, вышедших в середине 30-х гг. из разных мест Кабарды и Адыгеи, были расселены по Черноморскому берегу Азиатской Турции в Трапезунде, Самсуне, Синопе и т.д. [54]. То, что это не первая волна переселения, подтверждает и Султан Давлет-Гирей, который в своем докладе писал: «На руку Турции действовала и система генерала Ермолова. Вместо того чтобы приостановить переселение, он сам всячески поощрял тяготение кавказских племен к Турции, поощрял материально и морально переселенцев, предполагал тем достигнуть целей быстрого покорения и завладения Кавказом, думая, что через уменьшение численности населения Кавказа будет ослаблено то упорство, с которым русским войскам так долго и бесплодно приходилось бороться. Принудительное выселение кавказских племен продолжалось и при преемнике генерала Ермолова...» [55].

Из вышеизложенного видно, что рассматриваемый период характеризуется обострением Восточного вопроса и усилением происков иностранных держав на Западном Кавказе. Адрианопольский и Ункяр-Искелесский трактаты подтвердили, что Северо-Западный Кавказ имел непосредственное отношение к Восточному кризису 20-30-х гг. XIX столетия. Результаты русско-турецкой войны обострили борьбу держав за преобладающее влияние в Черкесии. Адрианопольский трактат положил начало новой фазе Восточного кризиса, рамки которого становятся значительно шире.

Примечания:

1. Восточный вопрос — условное, принятое в дипломатии и исторической литературе обозначение международных противоречий конца XVIII — начала XX вв., связанных с наметившимся распадом Османской империи (султанской Турции) и борьбой великих держав Австрии (с 1867 — Австро-Венгрии), Великобритании, Пруссии (с 1871 — Германии), России и Франции за раздел ее владений, в первую очередь европейских (Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. С. 743).

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. IV. №3128. 1829. СПб., 1830. С. 625.

3. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 338.

4. *Annuaire des Mondes Histoire Generale des Divezs-Etats*. P., 1848. P. 37.

5. Татищев С.С. Внешняя политика Николая I. СПб., 1887. С. 203.

6. Там же.

7. Там же.

8. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Т. 9. Ч. I. №395. Тифлис, 1875. С. 455.

9. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. С. 296.

-
10. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865гг.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Дзауджикау, 1948. Т. XIII, вып. I. С. 24.
 11. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. СПб., 1896. Т. II. С. 229-230.
 12. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. 7. С. 177.
 13. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1891. Т. 3. С. 245.
 14. Там же.
 15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6380. Л. 117. Об. 118. Копия с рапорта командиру отдельного Кавказского корпуса.
 16. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Св. 83. Д. 1065. Л. 2.
 17. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Л. 71.
 18. Шамиль — ставленник Султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. С. 17.
 19. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6234. Лл. 14-15. Отношение гр. Паскевича от 16 января 1830 г. гр. Чернышову.
 20. Федерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. С. 64.
 21. Кубань и Черноморское побережье // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 / сост. С.Х. Хотко. М., 2005. Т. 2. С. 390.
 22. Лазарев М.П. Документы. Т. 2. М., 1955. С. 377-378.
 23. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 14. Д. 83. Л. 1. Записка о разделении Кавказской линии от 20 января 1834г.
 24. Кубань и Черноморское побережье // Старые черкесские сады... С. 390.
 25. Гагемейстер Ю. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838. С. 112.
 26. Тарле Е.В. Крымская война. М.; Л., 1950. Т. I. С. 93.
 27. Договоры России с Востоком / сост. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 89-92.
 28. Там же.
 29. Дебидур А. Восточный вопрос. История XIX в. М., 1947. Т. 4. С. 334.
 30. Маркс К. Лорд Пальмерстон. Статья пятая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 398.
 31. Татищев С.С. Указ. соч. С. 382-383.
 32. Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. СПб., 1888. Т. 2. С. 6-7.
 33. Фадеев А. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. 1951. №9. С. 80.
 34. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 116. Л. 1.
 35. Там же. Д. 6259. Л. 117.
 36. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6259. Лл. 224-224 об.
 37. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 284.
 38. РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. Д. 6732. Л. 2. // Старые черкесские сады... Т. 1. С. 29.
 39. РГВИА. ВУА. Ф. 846. ОП.16. Д. 6779. Пояснительная карточка военных действий в земле шапсугов в 1860 году // Старые черкесские сады... Т. 1. С. 29.
 40. АКАК. Т. 7. Ч. 1. №35. С. 19.
 41. Романовский Д.И. Публичные лекции. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 397.
 42. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6485. Лл. 29-30.
 43. Фелицин Е.Д. Князь Сефер-Бей-Зан. (Политический деятель и поборник независимости черкесского народа) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 19.
 44. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. Сборник архивных документов / сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001. С. 27-30.
 45. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 290.
 46. Романовский Д.И. Указ. соч. С. 375-342.
 47. Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 340-342.
 48. Романовский Д.И. Указ. соч. Приложение к чтению.
 49. РГВИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 120. Л. 69.
 50. Там же. Л. 70.
 51. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6312. Л. 63. Об.

